

СЕТЕВОЙ ЯЗЫК LOL-ТРАСЯНКА: ИГРА НА ГРАНЯХ СУБСТАНДАРТА

Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

NETWORK LANGUAGE OF LOL-TRASYANKA: PLAYING ON THE EDGES OF SUBSTANDARD

T. A. Pivovarchik, I. I. Minchuk

Yanka Kupala State University of Grodno

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования и функционирования в интернет-среде субстандартных вариантов национальных языков. Рассматривается сравнительно новое явление «смехового» использования смешанной белорусско-русской речи трасянки в сетевых сообществах белорусского сегмента Интернета. Источником языкового материала стали креолизованные полилоги белорусскоязычных сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Цель работы – выявить дискурсивно-прагматическую специфику использования субстандартного варианта белорусского языка трасянки в коммуникативных практиках белорусскоязычных сетевых сообществ. Обоснована важность анализа кодовых смещений в контексте их идеологического преломления, с точки зрения их роли в формировании дискурсивных предпочтений «текущего момента». Сделано предположение, что в условиях фрагментированного пространства интернет-коммуникаций социально и идеологически маркированные варианты из субстандартной периферии языка могут использоваться как один из инструментов локальной групповой идентификации и стратификации сетевого коммуникативного пространства. Предложено понятие LOL-трасянки как особого сетевого варианта смешанной белорусско-русской речи, выделены ее основные языковые и дискурсивно-прагматические характеристики: ироническая эрративизация, девиантные речевые практики, доминирование жанров комического дискурса, специфический функциональный репертуар. Отмечено, что в отличие от устной трасянки с ее русифицированной белорусскоязычной основой, в LOL-трасянке чаще представлена фонетически и грамматически «адаптированная» русская речь. Показано, что LOL-трасянка с намеренно утрированным, пародийным кодовым смещением используется участниками сетевых сообществ для создания иронично-гротескового дискурса с социально-критической направленностью.

Ключевые слова: белорусский язык, кодовое смещение, интернет-коммуникация, субстандарт, трасянка, смеховой дискурс.

Abstract: the article studies the issues of formation and functioning of substandard variant of national languages on the Internet. Rather new phenomenon of “humorous” use of the mixed Belarusian-Russian speech of trasyanka in network communities of the Belarusian segment of the Internet is considered. Creolized polylogues of Belarusian-speaking communities on social network “VKontakte” is a source of language material. The objective of the article is to reveal discursive and pragmatic specifics of use of substandard variant of the Belarusian trasyanka in communicative practices of Belarusian-speaking network communities. Importance of the analysis of code shifting in the context of its ideological refraction, in terms of its role in formation of discursive preferences of “present moment” is grounded. The assumption is made that under the conditions of the fragmented space of Internet communications socially and ideologically marked variants from the substandard periphery of language can be used as one of instruments of local group identification and stratification of network communicative space. The concept of LOL-trasyanka as a special network version of the mixed Belarusian-Russian speech is proposed, its main language, discursive and pragmatic characteristics are marked out: ironical errativization, deviant speech practices, domination of genres of a comic discourse, specific functional repertoire. It is noted that unlike oral

trasyanka with its Russified Belarussian basis, in LOL-trasyanka grammatically and phonetically “adapted” Russian speech is more often used. It is shown that LOL-trasyanka with intentionally exaggerated, parody code mixture is used by participants of network communities for creation of an ironic and grotesque discourse with social and critical orientation.

Key words: *the Belarussian language, code shifting, Internet communication, substandard, trasyanka, humorous discourse.*

Введение

Языковая ситуация в Беларуси характеризуется как государственное двуязычие, которое в реальной речевой практике реализуется в виде несбалансированного белорусско-русского билингвизма с доминированием русского языка. При этом русский язык в Беларуси развивается как особый белорусский диалект с многочисленными вкраплениями из белорусского языка [1–3], а система белорусского национального языка наряду с кодифицированным литературным языком включает в себя подсистемы альтернативного варианта литературно-письменного белорусского языка – тарашкевицы, смешанной белорусско-русской речи – трасянки, народных говоров, социальных диалектов [4, с. 70–73]. Статус и функциональный потенциал указанных языковых страт исследователи оценивают по-разному, при этом наибольшие дискуссии вызывает феномен трасянки [5–9 и др.]. Трасяночная речь хаотически креолизована и представляет собой «множество субстандартных идиолектов, которые содержат в разных пропорциях черты белорусского и русского языков» [10, с. 248].

Смешанная белорусско-русская речь на территории проживания белорусов отмечалась исследователями еще в середине XIX в. [8]. Однако впервые слово «трасянка» было зафиксировано в толковом словаре белорусского языка 1996 г. издания как «продукт белорусско-русской смешанной речи» [11, с. 661]. Исследователи связывают появление этого слова со временем формирования независимой Беларуси, отмечая, что, «появившись и стойко “закрепившись” сначала в публицистическом дискурсе, а потом и во Всемирной паутине, оно плавно переключалось в научный дискурс, настойчиво претендуя на статус термина» [12, с. 112]. Именно трасянка, как «лексический маркер демократизации» и как «пейоративная метафора» одновременно [12, с. 113], ставшая причиной рассогласования «матрицы общения» и «кодовой матрицы» [13] и потому не обладающая пиететом в глазах общественности, стала языковым кодом, маркирующим смеховые ситуации с иронической и сатирической тональностью в коммуникации белорусов.

Расширение интернет-коммуникации дало толчок к развитию различных вариантов белорусского языка, в том числе и трасянки. Исследователи отмечают [4; 14 и др.], что именно в Интернете белорусский язык

в начале XXI в. получил для своего развития благоприятную среду, которая не диктует жестких ограничений в плане нормативности, а напротив, стимулирует пользователей к экспериментальному поведению, самовыражению посредством коммуникации на белорусском языке. Эта свобода порождает богатый исследовательский материал, который в то же время с трудом поддается систематизации, о чем свидетельствует недостаточная изученность белорусскоязычной сетевой коммуникации [15–19]. Особенностью белорусского интернет-пространства является отчетливое доминирование сайтов, блогов, чатов, сетевых сообществ на русском языке. Межличностное сетевое общение на белорусском языке в текущей языковой ситуации – явление в некотором роде уникальное, что обусловило исследовательский интерес авторов статьи к белорусскоязычным онлайн-сообществам, и в первую очередь к тем из них, в которых используется сетевой вариант трасянки, дифференцирующие признаки которого выявлены и представлены в настоящем исследовании.

Материалы и методы исследования

Основным источником языкового материала стали полилоги белорусскоязычных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» («Хайпанем трошкі», «Калі ласка – Беларусь», «Будзьма беларусамі!», «Агра-трэш», «Парція памяркоўных цэнтрыстаў (ППЦ)»). Примеры реплик из анализируемых онлайн-комьюнити приводятся в исходном виде с сохранением орфографии и пунктуации источника. Авторы статьи не несут ответственности за содержание текстов, опубликованных в анализируемых онлайн-комьюнити, и исходят из того, что тексты, размещенные в открытых онлайн-сообществах, могут быть использованы в качестве материала для проведения научных исследований. Объем проанализированных текстовых фрагментов, включающих в себя пост модератора и комментарии пользователей к посту, составил более 300 единиц.

Концептуально-методологической основой исследования выступили социолингвистическая теория языковых контактов (У. Вайнрайх, В. Ю. Розенцвейг, Н. Б. Мечковская) и социокогнитивная модель дискурса-анализа (Т. ван Дейк, Э. Лассан). Междисциплинарное сочетание этих двух подходов позволяет провести анализ кодовых переключений и смешений в полиязычном и поликультурном медиапространстве

не только с точки зрения их влияния на актуальную языковую ситуацию, но и в контексте их идеологического преломления, с точки зрения их роли в формировании дискурсивных предпочтений «текущего момента». Гипотеза работы может быть сформулирована следующим образом: наличие в национальной коммуникативной системе множества кодов и субкодов, находящихся друг с другом в отношении функциональной дополнительности, обуславливает дискурсивно-прагматическую специфику использования каждого кода и субкода в коммуникативных практиках сетевых сообществ национального сегмента Интернета; при этом в условиях фрагментированного пространства интернет-коммуникаций субкоды из субстандартной периферии языка, социально и идеологически маркированные, в наибольшей степени проявляют свой потенциал, поскольку могут использоваться как один из инструментов локальной групповой идентификации и стратификации сетевого коммуникативного пространства.

Обсуждение результатов

Появление Интернета породило новые дискурсивные практики и обслуживающие их кодовые варианты (страты) национальных языков, которые по-разному интерпретируются исследователями (интернет-язык, интернет-жаргон, интернет-сленг, интернетолект, сетелект, киберлект и т. д.). Интернет стал «опытной (чаще всего смеховой) лабораторией опробования потенций языка» [20, с. 59], где активно проводятся эксперименты со «смеховыми языками», построенными на игровом манипулировании единицами разных языковых уровней. В англоязычном Интернете такой тип интернет-жаргона получил названия LOLspeak и LOLcat [21–23]. Ирония и комизм стали важнейшими характеристиками сетевых жаргонов в русскоязычной интернет-коммуникации: «олбанского языка» («языка падонкафф»), луркоязы, упячки [24–27]. При наличии сходств между указанными «языками» как явлениями контркультуры (иначе – альтернативной культуры, иной культуры, сетевого фольклора, антиязыка) в них часто обнаруживается и национальная специфика.

В белорусских сетевых сообществах эта специфика проявилась в том, что основой для «смехового» жаргона в социальных сетях (и в целом в массмедийном пространстве) стала трасянка, сотканная из грамматических и лексических нарушений в результате смешения двух близкородственных языков. Манипулирование стереотипными представлениями о трасянке как об испорченном варианте белорусского языка, а о ее носителях как о неграмотных и малообразованных выходцах из сельской местности [28] обусловило комический эффект трасянки, подхваченный и усиленный в сетевых коммуникациях. Пред-

ставляется удачным замечание А. А. Барковича о том, что трасянка относится к сфере культуролектичности – вариативности языка, обусловленной определенной культурной спецификой коммуникации [15, с. 23–24], именно поэтому элементы трасянки используются носителями белорусского литературного языка с эмоционально-экспрессивной целью – для усиления выразительности текста, создания речевого портрета отрицательного персонажа, актуализации идеологического конфликта и т. д. [19, с. 50–52].

Второй специфической чертой смехового языка в белорусских сетевых сообществах является его высокая идеологическая насыщенность: ресурсы смехового языка используются для смысловой организации дискурса об актуальных социальных и политических явлениях и событиях, а отношение участников сообществ к этим явлениям и событиям формируется на основе актуализации таких ценностных оппозиций, как «свое – чужое», «истинное – ложное», «красивое – безобразное», общепринятое – девиантное», «реальное – видимое». Трасянка маркирует правый компонент в каждой из указанных оппозиций.

Сетевой вариант трасянки, используемый в смеховых коммуникативных ситуациях с иронической или сатирической тональностью, авторы настоящего исследования предлагают назвать **LOL-трасянкой**. Под ним понимается принятый в определенных сетевых сообществах субвариант (субстандарт) языка, отражающий коммуникативные ценности и коммуникативное поведение членов сообщества. Этот функционально и дискурсивно обусловленный феномен современного белорусского коммуникативного пространства очень близок молодежному интернет-жаргону, с помощью которого осуществляется общение «максимально свободное и раскованное, относительно независимое от официальной культуры и внешних табу и во многих случаях сознательно оппозитивное по отношению к норме (языковой, этической, ментальной)» [29, с. 252].

LOL-трасянка, активно функционирующая в смеховом поле белорусских онлайн-сообществ, представляет собой вторичное кодовое явление, существенно отличающееся от ее исконного варианта в устном бытовом общении. Если прототипическая трасянка является естественным следствием контактирования двух близкородственных языков, а также вытекающей из этого языковой интерференции (примеры из районных газет: *рассыпчатае цеста* (вместо бел. *рассыпiсты*, под влиянием рус. *рассыпчатый*); *не выгаворвае ўсе словы і буквы* (вместо бел. *літары*, под влиянием рус. *буквы*); *мытны саюз намераны прадаставіць* (вместо бел. *мае намер*, под влиянием рус. *намерен*); *гібкасць і эфектыўнасць працоўнага заканадаўства* (вместо бел. *гнуткасць*, под влиянием

рус. *гибкость*)), то ее LOL-вариант – сознательный дискурсивный продукт сетевого сообщества, рассчитанный на его воздействующий потенциал. В качестве примера текста, написанного на LOL-трасянке, приведем пост из сообщества «Агратрэш»: *Цытаты Вяликих Падпишчыкаў. Из ЛС, каторыя ани часта гаварат. Сверху – цытата, снизу – кличка падпишчыка, а каторай ани ни падазрэвают (ну дае вота мозг аутаматам, ничо ни падзеаеш)) Папрашу ни абіжацца, усе магу абаснаваць и эта чыста для внутрэннява патраблення. Их большэ, но у адзін пост можэт улезць тока 10. ИГРА: прыдумай камянта-тару сверху клікуху!* («Агратрэш», 13.02.2019). Как видим, факторы смешения языков разные: в первом случае – социолингвистический, во втором – дискурсивно-прагматический. И если носители трасынки в повседневности, как отмечает Н. Б. Мечковская, не переключаются с кода на код, не играют стилистическими контрактами и т. д., а «просто разговаривают, как умеют» [7, с. 96], то в социальных сетях мы видим примеры лингвокреативности, когда кодовое смешение и кодовое переключение используются для создания комического дискурса с социально-критической направленностью.

Члены сетевых сообществ, объявивших LOL-трасянку своим основным кодом, разделяют (по крайней мере в рамках актуального сетевого дискурса) общие мотивы и ценности коммуникации (нацеленность на осмеяние и ценностное снижение, остранение от официального дискурса, свобода самовыражения, альтернативные мировоззренческие установки, релятивизация норм, социальный нигилизм), придерживаются общих практик интернет-поведения (юмористическая тональность, пародийная цитатность, языковая игра, высокая эмоциональная вовлеченность, речевая агрессия, антиэтикет и инвективность, деструктивные практики, активная метакоммуникативная рефлексия и т. д.), при том что на своих личных страницах в социальных сетях эти пользователи демонстрируют совершенно разные (иные) поведенческие модели и разное отношение к языку и речевым нормам. Такое противоречие в коммуникативных практиках не случайно, а является следствием множественной принадлежности сетевых акторов к реальным и сетевым сообществам [30, с. 128].

Проведенное исследование показало, что в пределах сетевого дискурса соответствующих белорусских онлайн-комьюнити вырабатывается собственный узус LOL-трасянки – привычные письменные практики, наиболее характерными признаками которых являются следующие.

1. Ироническая эрративизация – намеренное окказиональное искажение слов и выражений с целью придания содержанию постов и коммента-

риев насмешливо-сниженной, презрительно-снижительной оценки:

1.1) абсолютизация фонетического принципа орфографии («как слышится, так и пишется») при написании слов, «простых» с точки зрения орфографических правил и обычно не вызывающих затруднений у носителей языков: *панила* (ср.: бел. *зразумела*, рус. *поняла*); *фтарая* (ср.: бел. *другая*, рус. *вторая*); *иво* (ср.: бел. *яго*, рус. *его*);

1.2) отражение на письме разговорно-вульгарного, намеренно неряшливого стиля произношения с сильной редукцией звуков и слогов: *самрыце прыкол* (от рус. *смотрите*), *если ты шота прадаеш* (от рус. *что-то*), *нармас* (от рус. *нормальный*), *инастранцы* (от рус. *иностранцы*);

1.3) продуцирование грамматических ошибок, противоречащих одновременно системам обоих языков: *думаит* (ср.: бел. *думае*, рус. *думает*); *абавязайцальна* (ср.: бел. *абавязкова*, рус. *обязательно*);

1.4) широкая распространенность фонетической, лексической, грамматической гипертрофированной интерференции: *напросчэ* (ср.: бел. *прасцей*, рус. *попроще*), *ясчо* (ср.: бел. *яшчэ*, рус. *еще*);

1.5) нарушения правил белорусской графики: не используются (или используются sporadически) буквы *i, y*, знак апостроф ‘ при написании сообщений на белорусском языке.

Многие проанализированные полилоги представляют собой своеобразную макароническую речь с хаотически сочетаемыми и при этом искаженными русскими и белорусскими словами и выражениями, благодаря чему создается иронично-гротесковый подтекст. В отличие от устной трасынки с ее русифицированной белорусскоязычной основой, в LOL-трасянке чаще видим фонетически и грамматически «адаптированную» русскую речь: *Кагда абішчаешся на вайбярэ с быушымы аднакласнікамі, жывышчымы за границай...; Грэч сіводня пайдэёт а вাপросе каторы січас ні даёт накая ні аднаму работніку сельскага хазяйства; Я вабішчэ ічытаю што матаблокі эта аружыя массава унічтажэня!*

2. Девиантизация дискурса – отказ от общепринятых норм речевой культуры, этических и этикетных норм повседневного общения, утверждение моды на маргинальное:

2.1) свободное использование просторечных, жаргонных и диалектных единиц преимущественно с грубой окраской: *патырыцца* (бел. *пабіцца*, рус. *подраться*); *пурзацца* (бел. *важдацца*, рус. *возиться*);

2.2) злоупотребление пейоративами и инвективами, детабуирование бранной лексики: *Была б х*ня – ни пасаветвала; Если ты шота прадаеш, на*уя эта дзельца ананымна; Кароче дзержыце онанымку, пра то как быць расп*дзем и как не палучыць за эта пи*юлей;*

2.3) стилевое смешение: *прайзвёл упечатление; судзя па усяму; я прашла усе урауни... настальжы.*

Девиантное – как отклоняющееся от общепризнанных норм – поведение в анализируемых сетевых сообществах не осуждается, а поощряется (лайками и отзывами), поскольку способствует «выворачиванию наизнанку» того мира, над которым и смеется сообщество.

3. Доминирование жанров комического дискурса, ирония и стёб как базовые коммуникативные стратегии:

3.1) мемы, шутки, приколы, анекдоты, карикатуры и т. п.; для целого ряда жанров сетевого дискурса в белорусских онлайн-комьюнити субкод LOL-трасянки выступает не просто в качестве одного из жанрообразующих признаков, но даже в качестве жанрообразующей доминанты;

3.2) пародии на новостные тексты государственных СМИ, в которых профанизируется открытая идеологичность и возвышенная пафосность последних: *Еурапейски журнал алярши и клиничэскай имуналогіі (а эта сирьезны научны журнал, а ни «Дрыбінская зорка») выявил, што срэдзі всех забалеушых каранавирусам у Кітае доля курашчых саставіла ліш 1,4 % ата всех, пры том што у прэабладаюшчэй вазрасной групе в цэлам доля курашчых састаўляе у КНР боляе 50 % (курашчая страна, карочэ). Шах и мат, зожники! NZ-10 спасёт мир! («Агратрэш», 20.03.2020);*

3.3) подчеркнутое использование идеологем официального дискурса «в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте» [31]: *усим папицот* (намек на не выполненное властью обещание о достойной заработной плате), *працвятаюшчая Іуропа* (аллюзия к политическому слогану *За сильную и процветающую Беларусь!*); *цярпшы* (ироническая отсылка к толерантности как знаковой характеристике белорусов, ср. с рус. *терпила* в криминальном жаргоне).

Членов сетевого сообщества объединяет общее недоверие к идеологической значимости и социальной ценности подобных слов и выражений. Трансформируя внешнюю форму слова, авторы постов и комментариев «переворачивают» его смысл. Так идея основательности «высоких технологий» в исходном слове *хайтек* превращается в подтекст об имитации инноваций в технологически устаревшем и небрежном труде при использовании окказионализма *хайтак*. Каламбур основан на созвучии иностранного неологизма с белорусским выражением *хай так* (рус. *абы как, лишь бы как, спустя рукава*).

4. Специфический репертуар функций сетевого варианта трасянки, среди которых в первую очередь отметим следующие:

4.1) построение альтернативной смеховой реальности (LOL-реальности), своеобразного антипода

существующей действительности (отрицаются одни общественные явления и ценности и утверждаются другие). Попытка делегитимации официального дискурса и одновременной легитимации дискурса смехового утверждается активным продуцированием новой концептосферы, в том числе новых «трасяночных» мемов: *агратрэши, элехтарат, цётка з начосам, дрыбінскія вучоныя, застабілы*, обеспечивается путем создания собственных кодексов и энциклопедий. Например, в сообществе «Парція памяркоўных цэнтрыстаў (ППЦ)» есть свой Устав, приведем фрагмент: *ППЦ осушчэствляе наступныя задачы: увелічэніе памяркоўнасці; распастраненіе смешнявак; очэнь палезныя праекты как пампедзія і памяркоўная історыя; разрабатана собствэнная энцыклапедыя «Пампедзія», созданая з цэлью расказаць а жызнні ў Квітнеючай інфармаціўна, но лаканічна, панятна і весела, а самае глаўнае – максімальна аб'екціўна;*

4.2) интеграция сообщества, взаимная идентификация участников которого осуществляется не по социальной или территориальной принадлежности, а по приверженности к языковому субварианту и к определенным смеховым практикам (настроенности на смеховой гедонизм): *Еслі пры ценіі данава цекста ў вас вазнікае жэланіе задаць вапрос «На каком языке это написано?» ілі здэлаць замічэнне «Не ведаеце мовы – лепш увозуле не пішыце!», успакойцеся і выберыце другой язык. Аднака, для таво штобы максімальна пачустваваць каларыт праекта і пранікнуцца ево унікальнай атмасферай, жэстачайшэ рэкамендуем прадожыць ценіе на трасянке (Pampedia: Памяркоўная Энцыклапедыя). В сетевых сообществах с LOL-трасянкой поощряется интерференционное нарушение норм, что проявляется в развитии шутки, своеобразном соревновании участников сообщества в остроумии. Например: к пародийному посту *Я напісал твае імя на сгарэце, зажою іе, штобы выкурыць і забыць... Но понял што дышу табой* пользователи оставляли следующие комментарии: *Прам у душу; Как эта раманцічна; Да слез за душу бярот* («Агратрэш», 25.08.2020);*

4.3) пародийное высмеивание типичных или вымышленных ситуаций (квазиситуаций) актуальной белорусской действительности; тематический репертуар такого рода публикаций в белорусскоязычных онлайн-комьюнити ограничен и представлен повторяющимися сюжетами о качестве жизни белорусов, темпах развития сельскохозяйственной отрасли, цифровых технологиях в экономике: *На міжнароднам матаблокасалоне у Вернявінске івянецкім канцэрнам был прэдастаулен канцэпт машынайшэва введарожнава матаблока «Пратон 255454545ВАП-15Ф» («Агратрэш», 25.08.2020); Мозырская рэспубліканская свінаферма сумесна с Дрыбінскім іспалкомам выялі новую пароду свіней за начосам.*

Падробнасці эксперымента ні разглашаюцца, но кабан Васька астауся даволен («Агратрэш», 27.08.2020); Спецыяльна ка утарым еўрапейскім іграм ацечэственым аўтапрам Джэылі, саумесна с карэ-лическімі учонымі, выпушчу новую мадэль-амфібію («Агратрэш», 21.06.2019).

LOL-трасянка існуе ў сацыяльных сетках, дэманструючы альтэрнатыўныя погляды, апазіцыйныя настроены, субкультурныя каштоўнасці і пры гэтым пастаянна развіваючы смеховыя камунікатывныя сітуацыі. Дзякуючы пераўтварэнню («выварачыванню») трасянки ў LOL-трасянку ў дыялогу сацыяльных сетак адначасова актуалізуюцца два несумяшчальныя, супярэчачыя аднаму, канкуруючыя фрэйма «тыпічнай Беларусі» і «тыпічных беларусаў». Прыходзіць пародыйна-гротэскавая «перамена месцаў»: ў якасці «інога», чуждога ў каштоўным плане дыскурса прадстаўляецца не дэвіянтна-профанны дыскурс сацыяльных сетак, а торжэственна-лазунговы дыскурс улады і афіцыйных мас-медиа. Дыскурс жа на LOL-трасянке становіцца «своім», зразумелым, бліжнім размовамі на «виртуальнай кухні» (Е. С. Крестинина, Ю. Г. Чернышов), дзе адсутнічаюць агульнапрынятыя забароны на тэмы і іх рэчывыя воплывы.

Заклученне

Традыцыйна ў лінгвістыцы ісследуюцца сацыяльныя фактары дыферэнцыацыі рэчывы дзейнасці і языковых рэсурсаў, аналізуюцца рэчывыя практыкі розных сацыяльных груп носіцеляў языка. Аднак ў умовах цифровага грамадства нельга не звярнуць увагі на павышэнне ролі дыскурсіва-камунікатывных фактараў: новыя медиа спрыяюць фрагментацыі грамадства на групы са спецыяльнымі тыпамі медиаапазасаваннага камунікатывнага паветавання і спецыяльным іспользаваннем языковых рэсурсаў. Неаднароднасць сацыяльных сетак прыводзіць да неаднароднасці субварыянтаў языка, а доўгі сумесны дыскурсівавы вопыт членаў віртуальных груп (некаторыя з аналізаваных ў данай апраце сацыяльных сетак функцыянуюць на працяжэнні семі лет) падтвэрдыць устойлівасць гэтых субварыянтаў і сфарміраваннасць апрадэленых узральных нормаў.

Камунікатывную сістэму савременнага беларускага грамадства складае мноства кодаў і субкодаў, знаходзячыхся адна з аднаму ў адносінах функцыянальнай дапаўняльнасці. Аналіз камунікатывных практык сацыяльных сетак ў нацыянальным сегменце Інтэрнета дазваляе абнаражыць, што ў сацыяльных сетках складаецца дыскурсіва-прагматычная спецыфіка іспользавання кода і субкода. Так, на аснове сумешаннага беларуска-рускага рэчыва трасянки, прадстаўляючай сабой сацыя-

на і ідеалагічна маркіраваны субкод з субстандартнай перыферыі беларускага языка, сфарміравалася яе асабы сетавы варыянт – LOL-трасянка, дзе рэчывыя парушэння, вызваныя блізкародствай інтэрферынцыяй, ўсільваюцца намеренымі анцінорматывнымі практыкамі членаў сацыяльнага сацыяльнага. LOL-трасянка ў сацыяльнай інтэрнет-камунікацыі атрыла асабу функцыянальную спецыялізацыю – стала кодам іроніі і сатыры, трыггерам смеховых камунікатывных сітуацыяў стэба, пародыравання, ёрнічання, пітаельнай ачавай для паветавання ідеалагем альтэрнатыўнага смеховага рэальнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Гіруцкі А. А., Міхневіч А. Е. О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» // Вариантность как свойство языковой системы : тез. докл. М., 1982. Ч. 1. С. 77–79.
2. Норман Б. Ю. Русский язык в Беларуси сегодня // Die Welt der Slaven. 2008. LIII. 2. S. 289–300.
3. Журавлева Н., Потапова О. На каком языке говорит белорусская политика? // Славянские языки : аспекты исследования : материалы Междунар. науч. конф. «VI Супруновские чтения». Минск, 2009. С. 73–77.
4. Лукашанец А. А. Современное состояние и тенденции развития славянских языков (белорусский язык) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 5. С. 65–75.
5. Коржав Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 109–127.
6. Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске : проблемы двуязычия и отношения к языку : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с.
7. Мячкоўская Н. Б. Трасянка ў кантынуме беларуска-рускага ідыялектаў : хто і калі размаўляе на трасянце? // Веснік БДУ. Сер. 4. 2007. № 1. С. 91–97.
8. Запрудскі С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянке», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // Arche. 2009. № 11–12. С. 157–200.
9. Хенцішэль Г. Регулярная варыятыўнасць або «хаос» : вопыт аб узусе сумешаннага языковага разнавіднасці на прымеры беларускага «трасянке» // Вопытныя языкознання. 2016. № 6. С. 84–112.
10. Мячкоўская Н. Б. Мовы і культура Беларусі. Нарысы. Мінск : Права і эканоміка, 2008. 347 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускага літаратурнага мовы : больш за 65 000 слоў. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1996. 783 с.
12. Рамза Т. Трасянка : нацыянальна-прадэдэнтны феномен або «ключавое слова тэкучага моманта» // Беларуская думка. 2010. № 7. С. 112–116.
13. Крысін Л. Г. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество : межвуз. науч. сб. Вып. 4. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1977. С. 3–19.
14. Важнік С. А. Тры стыхіі Байнэта, або Права нацыянальнага моўнага ідэнтыфікацыі. Серыя: «Лек-

цы па Інтэрнэт-лінгвістыцы». Вып. 1. Мінск : Права і эканоміка, 2007. 54 с.

15. Барковіч А. А. Інтэрнэталект і мадэль моўнай варыятыўнасці : беларуская і польская спецыфіка // Беларуская-польскія культурна-моўныя ўзаемадачыненні : ад гісторыі да сучаснасці : зб. навук. арт. / навук. рэд.: В. М. Курцова, Н. А. Снігірова, М. Jankowiak, M. Ostrówka. Мінск : Беларуская навука, 2016. С. 21–27.

16. Каліта І. В. Современная Беларусь : языки и национальная идентичность. *Ústí nad Labem: PF UJEP*. 2010. 300 s.

17. Маркович А. А. Дискурсивное сообщество в интернет-СМИ : формирование и функционирование // Язык и речь в Интернете : личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – М. : РУДН, 2020. Т. 1. С. 135–142.

18. Пивоварчик Т. А. Многоязычие регионального интернет-форума в контексте культуры коммуникаций этнокультурного пограничья // Наука о человеке : гуманитарные исследования. 2018. № 4 (34). С. 64–70.

19. Сівіцкая Н. Актualізацыя беларускага маўленчага рэсурсу ў рускамоўным медыйным асяроддзі // Каліта І., Сівіцкая Н., Ляшчынская В. Беларуская мова ў лустэрку традыцый і інавацый. *Ústí nad Labem: PF UJEP*, 2019. С. 43–60.

20. Костомаров В. Г. Рассуждение о формах текста в общении. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2008. 84 с.

21. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press. 2001. 272 p.

22. Fiorentini I. «Zomg! Dis iz a new language'» : The Case of Lolspeak // Newcastle Working Papers in Linguistics. 2013. Vol. 19 (1). Pp. 90–108.

23. Bury B., Wojtaszek A. Linguistic Regularities of LOLspeak // Sino-US English Teaching. 2017. Vol. 14 (1). Pp. 30–41.

24. Дементьев В. «Лукоморье» vs. «Википедия» = «неформально» vs. «формально»? // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 146–147.

25. Ефремов В. А. Луркояз как образец интернет-жаргона // Язык и речь в Интернете : личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. М. : РУДН, 2020. Т. 1. С. 72–79.

26. Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М. : АСТ, 2013. 440 с.

27. Трофимова Г. Н. «Убей себя об стену» (О некоторых «субкультурах» Рунета) // Русская речь. 2010. № 6. С. 56–62.

28. Мечковская Н. Б. Белорусская «трясянка» как яблоко раздора и как оселок метода // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 226–250.

29. Михайлова Ю. Н. Электронный русский : между устным и письменным // Неклассические письменные практики современности : коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород, 2012. С. 248–258.

30. Шарков Ф. И. Сетевые массовые коммуникации и масс-медиа : локальный дискурс // ЭТАП : экономическая теория, анализ, практика. 2014. № 6. С. 127–140.

31. Дубин Б. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 412 с.

REFERENCES

1. Girutski A., Mikhnevich A. O yazykovom i lingvističeskom statusie «naziolekta» [On the language and linguistic status of the «naziolect»]. In: *Variantnost' kak svoystvo yazykovoj sistemy: abstracts*. Part 1. M., 1982. Pp. 77–79.

2. Norman B. J. Russkij yazyk v Belarusi segodnya [Russian language in today's Belarus] In *Die Welt der Slaven*. 2008. LIII. 2. Pp. 289–300.

3. Zhuravleva N., Potapova O. Na kakom yazyke govorit belorusskaya politika? [What language does Belarusian politics speak?]. In: *Slavyanskie yazyki: aspekty issledovaniya: materials of the International scientific conference «VI Suprunovskie chteniya»*. Minsk, 2009. Pp. 73–77.

4. Lukashanets A. A. Sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia slavianskikh iazykov (belorusskii iazyk) [Current state and development trends of the Slavic languages (Belarusian)]. In: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2009. No. 5. Pp. 65–75.

5. Koryakov Yu. B. Yazykovaya situaciya v Belorussii [Language situation in Belarus]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 2020. No. 2. Pp. 109–127.

6. Liskovets I. V. *Russkij i belorusskij yazyki v Minske: problemy dvuyazychiya i otnosheniya k yazyku* [Russian and Belarusian languages in Minsk: problems of bilingualism and attitudes towards language]. PhD Dissertation Abstract. European University at St. Petersburg, Saint-Petersburg State University. St. Petersburg, 2006. 22 p.

7. Mechkovskaya N. Trasyanka ŷ kantynuume belarуска-ruskix idyialektaŷ: xto i kali razmaŷlyae na trasyancy? [Trasyanka in the continuum of Belarusian-Russian dialects: who and when speaks Trasyanka]. In: *Journal of the Belarusian State University. Series 4. Philology*. 2007. No. 1. Pp. 91–97.

8. Zaprudski S. Nekatoryya zaŷvagi ab vyvuche'nni «trasyanki», abo Vykliki dlya belaruskix gumanitarnyx i sacyal'nyx navuk [Some remarks on the study of «trasyanka», or Challenges for the Belarusian humanities and social sciences]. In: *Arche*. 2009. No. 11–12. Pp. 157–200.

9. Hentschel G. Reguljarnaya variativnost' ili «xaos»: vopros ob uzuse smeshannoju yazykovoj raznovidnosti na primere belorusskoju «trasyanki» [Regular variation or «chaos»: the question of the usus of a mixed language variant on the example of the Belarusian «trasyanka»]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 2016. No. 6. Pp. 84–112.

10. Mechkovskaya N. *Movy i kul'tura Belarusi. Narysy* [Languages and culture of Belarus. Essays]. Minsk: Pravo i ekonomika. 2008. 347 p.

11. *Tlumachal'ny sloŷnik belaruskaj litaraturnaj movy: bol'sh za 65 000 sloŷ* [Explanatory dictionary of the Bela-

rusian literary language: more than 65,000 words]. Minsk: Belaruskaya E'ncyklopedyya, 1996. 783 p.

12. Ramza T. Trasyanka: nacional'no-precedentnyj fenomen ili «klyuchevoe slovo tekushhego momenta» [Trasyanka: a national precedent phenomenon or «the key word of the current moment»]. In: *Belaruskaya dumka*. 2010. No. 7. Pp. 112–116.

13. Krysin L. G. O nekotoryx ponyatiyax sovremennoj social'noj lingvistiki [On some concepts of modern social linguistics]. In: *Yazyk i obshchestvo: interuniversity scientific journal*. Vol. 4. Saratov: Izd-vo Saratov. gos. un-ta, 1977. Pp. 3–19.

14. Vazhnik S. A. *Try stykhii Baineta, abo Praiava natsyianal'nai moŭnai samaidentyfikatsyi* [Three elements of Bynet or Manifestation of national language selfidentification]. Vol. 1. Minsk: Pravo i e'konomika, 2007. 54 p.

15. Barkovich A. A. Inte'rne'talekt i made'l' moŭnaj varyyatŭnasci: belaruskaya i pol'skaya specyfika [Internet intelligence and the model of language variability: Belarusian and Polish specifics]. In: *Belarуска-pol'skiya kul'turna-moŭnyya ŷaemadachynenni: ad gistoryi da suchasnasci*: collection of scientific articles. Minsk: Belaruskaya navuka, 2016. Pp. 21–27.

16. Kalita I. V. *Sovremennaya Belarus': yazyki i nacional'naya identichnost'* [Modern Belarus: languages and national identity]. Ústí nad Labem: PF UJEP. 2010. 300 p.

17. Markovich A. A. Diskursivnoe soobshhestvo v internet-SMI: formirovanie i funkcionirovanie [Discursive community in online media: formation and functioning]. In: *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikaciya, kul'tura*: collection of scientific articles IV International scientific and practical conference: in 2 vol. Vol. 1. M.: RUDN, 2020. Pp. 135–142.

18. Pivovarchyk T. A. Mnogoyazychie regional'nogo internet-foruma v kontekste kul'tury kommunikacij e'tnokul'turnogo pogranich'ya [Multilingualism of the regional internet forum in the context of communications culture in ethnocultural borderlands]. In: *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2018. No. 4 (34). Pp. 64–70.

19. Sivickaja N. Aktualizaciya belaruskaga maŷlenchaga re'sursu ŷ ruskamoŭnym medyjnym asyaroddzi [Actualization of the Belarusian speech resource in the Russian-speaking media environment]. In: *Kalita I., Sivickaja N., Lyashchynskaya V. Belaruskaya mova ŷ lyuste'rku tradycyj i inavacyj*. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2019. Pp. 43–60.

20. Kostomarov V. G. *Rassuzhdenie o formax teksta v obshhenii* [Reasoning on the forms of text in communication]. M.: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2008. 84 p.

21. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 272 p.

22. Fiorentini I. «Zomg! Dis iz a new language'»: The Case of Lolspeak. In: *Newcastle Working Papers in Linguistics*. 2013. Vol. 19 (1). Pp. 90–108.

23. Bury B., Wojtaszek A. Linguistic Regularities of LOLspeak. In: *Sino-US English Teaching*. 2017. Vol. 14 (1). Pp. 30–41.

24. Dementyev V. «Lukomor'e» vs. «Wikipediya» = «neformal'no» vs. «formal'no»? [«Lukomor'e» vs. «Wikipedia» = «informal» vs. «formal»?]. In: *Zhanyr rechí*. 2015. No. 1 (11). Pp. 146–147.

25. Efremov V. A. Lurkoyaz kak obrazec internet-zhargon [Lurkoyaz as an example of Internet jargon]. In: *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikaciya, kul'tura*: collection of scientific articles IV International scientific and practical conference: in 2 vol. Vol. 1. M.: RUDN, 2020. Pp. 72–79.

26. Krongauz M. *Samouchitel' olbanskogo* [Tutorial for Olbansky]. M.: ACT, 2013. 440 p.

27. Trofimova G. N. «Ubej sebya ob stenu» (O nekotoryx «subkul'turax» Runeta) [«Kill yourself against the wall» (On some «subcultures» of the Runet)]. In: *Russkaya rech'*. 2010. No. 6. Pp. 56–62.

28. Mechkovskaya N. B. Belorusskaya «trasyanka» kak yabloko razdora i kak oselok metoda [Belarusian «trasyanka» as the apple of discord and as the whetstone of the method]. In: *Russian Language and Linguistic Theory*. 2018. No. 1 (35). Pp. 226–250.

29. Mikhailova Ju. N. E'lektronnyj russkij: mezhdustnym i pis'mennym [Electronic Russian: between spoken and written]. In: *Neklassicheskie pis'mennye praktiki sovremenosti*: collective monograph / ed. by T.V. Shmeleva. Velikij Novgorod, 2012. Pp. 248–258.

30. Sharkov F. I. Setevye massovyе kommunikacii i mass-media: lokal'nyj diskurs [Network mass communications and mass media: local discourse]. In: *ETAP: e'konomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2014. No. 6. Pp. 127–140.

31. Dubin B. *Slovo – pis'mo – literatura: Oчерki po sociologii sovremennoj kul'tury* [Word – Letter – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 412 p.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Пивоварчик Т. А., кандидат филологических наук, доцент, декан факультета истории, коммуникации и туризма, доцент кафедры журналистики

E-mail: t.pivovarchik@grsu.by

Минчук И. И., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики факультета истории, коммуникации и туризма

E-mail: i.minchuk@grsu.by

Yanka Kupala State University of Grodno
Pivovarchik T. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the History, Communication and Tourism Faculty, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: t.pivovarchik@grsu.by

Minchuk I. I., Candidate of Philology, Head of the Journalism Department of the Faculty of History, Communication and Tourism

E-mail: i.minchuk@grsu.by

Поступила в редакцию 18 ноября 2020 г.
Принята к публикации 29 декабря 2020 г.

Received: 18 November 2020
Accepted: 29 December 2020

Для цитирования:

Пивоварчик Т. А., Минчук И. И. Сетевой язык Lol-трясянка: игра на гранях субстандарта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3244>

For citation:

Pivovarchik T. A., Minchuk I. I. Network language of Lol-trasyanka: playing on the edges of substandard. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. No. 1. Pp. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3244>